

А.С.Шофман

Распад империи Александра Македонского

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.С.Шофман**
Распад империи Александра Македонского / А.С.Шофман – М.: Книга по Требованию, 2023. – 224 с.

ISBN 978-5-458-35997-9

Книга завершает цикл исследований автора, опубликованных в Издательстве Казанского Университета по македонской тематике. "История античной Македонии". часть 1, 1960; часть 2, 1963; "Восточная политика Александра Македонского" 1976. На базе комплексного изучения источников и литературы вопроса рассматривается процесс распада конгломератных государств древности, анализируется развитие социальных, военно-политических и экономических противоречий переходной эпохи становления эллинистических государств, на конкретном материале показывается бесперспективность осуществления идеи мирового господства.

ISBN 978-5-458-35997-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

па» Помпеи Трог, как противник завоевательной политики монархов, наделял Филиппа II и Александра Македонского низкими нравственными качествами. У него история борьбы диадохов эллинистических царств III - I вв. до н.э. -- это картины пагубного воздействия пороков и страстей на судьбу государств, история, полная преступлений всякого рода, кровавых убийств родственников, их взаимная ненависть и соперничество делают эллинистический мир добычей римлян⁸

Из этого произведения Помпея Трога Юстин делает краткие извлечения, сохраняя его последовательность, оглавление и количество книг. Не исключена вероятность, что само произведение «История Филиппа» не сохранилось лишь потому, что была «Эпитома» Юстина, так как в средние века предпочитали пользоваться более кратким, чем само произведение, пересказом Юстина. В своем предисловии последний отмечает, что из сорока четырех книг он извлек все наиболее достойное внимания и опустил то, что не могло доставить удовольствия, ни послужить полезным примером⁹. Этот субъективный подход наложил свой отпечаток на извлечения: факты подбирались тенденциозно, многие важные события опускались вообще, толкование фактов давалось такое, которое было более выгодно автору. Все это послужило причиной того, что Юстина называют иногда «мутным источником», говорят, что у него от труда Помпея Трога «почти ничего не осталось дельного», что «произошло крушение исторических фактов»¹⁰

Вряд ли можно безоговорочно признать правильной такую характеристику Юстина, которую даст наш соотечественник, известный ученый Ф. Ф. Соколов. Сравнительный анализ Юстина с другими авторами дает возможность выявить у него истинные факты и верные выводы.

Эпоха диадохов освещена Юстином в XIII - XVII книгах. Изложение, безусловно, более краткое, чем у Диодора, но доведено до конца периода диадохов, что весьма ценно. Более откровенно, чем у Диодора, показана борьба диадохов друг с другом, их низменные цели в борьбе. Юстин утверждал, что все полководцы Александра радовались его смерти, но «не могли чувствовать себя в безопасности, ибо боялись друг друга, опасались они и солдат, которые становились все разнузданнее и на благосклонность которых положиться было нельзя»¹¹. Здесь Юстин перекликается с Диодором, правда, презрение к солдатам звучит у него более резко, чем у последнего. Далек не все события, изложенные Юстином, соответствуют действительности. У него встречаются и явные казусы. Например, излагая ход Ламийской войны, Юстин путает осаду Ламии с битвой при Гераклее, говоря, что Антипатр укрывался от сражений за стенами Гераклеи, во время осады которой был убит Леосфен. В этом случае гораздо достовернее факты, изложенные Диодором, поэтому верить приходится здесь его «Исторической библиотеке».

Начало борьбы диадохов излагается также в 10-й книге «Истории Александра Македонского» Квинта Курция Руфа. Автор здесь интересуется больше личными отношениями между диадохами, и все события проходят у него в русле их враждебных отношений друг к другу. Курций сам указывает, что пользовался при написании «Истории» источниками, отдавая предпочтение Птолемию и Аристобулу, стараясь освободиться от идеализации героев. Его работа проливает свет на моменты закулисной борьбы диадохов, и этим она представляет для нас известный интерес.

Причины распада государства Александра Курций видит только в том, что многие добивались неделимой царской власти. «Сначала, -- пишет он, -- силы были собраны, потом они рассеялись, и так как брали на себя бремя выше своих сил, отдельные части тела отказались служить, и империя прочно державшаяся на плечах одного, распалась, когда ее стало подпирать несколько человек».

Важным и в то же время своеобразным источником для познания интересующей нас эпохи являются биографии Фокиона, Эвмена, Деметрия Полиоркета и Пирра из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. Эти жизнеописания носят несколько дидактический характер, и поэтому достоинства всех полководцев сильно преувеличены, а недостатки их сглажены. И тем не менее материал биографий является ценным источником для характеристики диадохов и связанных с ними событий. Плутарх, гордившийся героическим прошлым своей родины, жертвовал исторической правдой и идеализировал своих героев. Так, Фокион, не желавший начинать народно-освободительную войну против Македонии и павший жертвой гнева возмущенных масс, представлен Плутархом дальновидным, предусмотрительным политиком, считавшим, что войну не следовало начинать, ибо в тот момент у государства не было ни денег, ни флота, ни сухопутной армии¹². Плутарх не хочет видеть корыстных целей Деметрия Полиоркета во время походов его в Грецию, считая единственной их

причиной желание предоставить вольность и свободу греческим городам Безукоризненным человеком, храбрым полководцем, верным союзником представлен у него только Эвмен Остальным диадохам он дает беспощадную характеристику, считая, что основным рычагом их политики являются зависть и коварство желание расширить свои владения за счет другого, личные интересы, а не требования справедливости

Такое же значение сохраняет и биография Корнелия Непота, у которого много сходного, в частности, в описании Эвмена Даже для характеристики отдельных черт его взяты одни и те же факты, что дает основание предполагать знакомство Плутарха с произведениями Корнелия Непота

Приходится также сожалеть, что не сохранилось произведение Арриана «История преемников Александра», очень схематичное и сжатое изложение которого находим у Фотия Произведение Арриана доводило события до 321 г до н э и представляло собой подробный рассказ о событиях того времени Об этом можно судить уже по тому, что только двум годам после смерти Александра было посвящено 10 книг Профессор Бреславского университета Рич Рейценштейн отыскал 5 страниц с отрывками из книг Арриана в архивах Ватиканской библиотеки, в которых содержалось 112 строчек текста Эти отрывки подтверждают уже известные ранее из других литературных источников отдельные факты, имевшие место в период с 323 по 321 г до н э¹³

Некоторые немаловажные сведения, характеризующие балканский мир эпохи диахов, можно найти и в «Описании Эллады» Павсания Хотя его труд в основном ценен материалом об искусстве и культуре Эллады, в то же время в нем, правда, весьма коротко, излагаются отдельные исторические события той поры Для нас особое значение имеет книга X, в которой Павсаний описывает вероломство Деметрия Полиоркета, убившего сына Кассандра Александра по приглашению которого он прибыл в Македонию, победу над Деметрием Пирра, распри Лисимаха и Селевка¹⁴ Последнему автор особенно симпатизирует и без особых на то причин считает Селевка одним из самых справедливых и честных царей эпохи диахов¹⁵

Из вышесказанного можно сделать вывод, что нельзя назвать ни одного источника, который бы полностью, глубоко и убедительно освещал эпоху преемников Александра Все они или слишком субъективны, или мало достоверны или не доводят изложение событий до конца изучаемой эпохи В целом же смутное время борьбы диахов плохо представлено в источниках Как уже отмечалось даже те источники, которые до нас дошли, содержат материал по истории отдельных полководцев, их личных взаимоотношений их столкновений на поле брани, не вскрывая социально-политической обстановки того времени, внутренних причин тех или иных войн, того или иного социального движения

Именно скудность источников и вытекающая отсюда сложность и запутанность исторических событий этой эпохи отпугивали историков от разработки этой проблемы Характерно, что знаменитый немецкий историк Бартольд Нибура родоначальник так называемого критического метода, человек, обладавший изумительной памятью, признавал, что для него во всей истории нет ничего запутаннее войн диахов что он не может осилить всех подробностей и привести в порядок массу событий По его словам, «путаница происходит от того, что перед нами проходит целая толпа людей, не отличающихся друг от друга достойными внимания признаками»¹⁶ С последним утверждением согласиться нельзя ибо это было время, в котором действовала целая плеяда разных, талантливых и могущественных людей Но нужно полностью согласиться с мыслью Нибура об исключительной пестроте и запутанности исторических перипетий этой эпохи, создающих большие сложности для изучения Однако эти трудности не испугали соотечественника Нибура — И Г Дройзена, который посвятил весь второй том своей трехтомной истории эллинизма военно-политической истории этой эпохи преемников Александра¹⁷ На основании скрупулезного изучения дошедших до нас разрозненных источников он старался воссоздать систематическое изложение одного из труднейших для исследования периодов античности

А В Мишулин писал, что эту задачу «Дройзен для своего времени не только удовлетворительно разрешил, но и подошел к ее разрешению с той смелостью и свежестью мысли, которая была столь характерна для лучших представителей буржуазной науки того времени»¹⁸ Это было первое исследование по данной проблематике в мировой науке Оно и закрепило в ней термин «диалохи», который, по мнению

Дройзена, характеризует суть данной эпохи, а именно деятельность полководцев Александра Македонского. Этот термин, в силу традиций, бытует до настоящего времени, хотя как раз сути процесса он и не выражает. Но такова сила исторической инерции. Глагол *διαδεχομαι*, означает «перенимать, быть чьим либо преемником в правлении, следовать за кем либо». Образованное от него существительное *διαδοχος* переводится как «преемник, наследник, принимающий, следующий за кем либо». Последующее изложение покажет, что изучаемая эпоха характеризуется не столько тем, что диадохи были преемниками Александра, так как они от многих его идей начисто отказались, сколько тем, что их деятельность способствовала как раз распаду того процесса, в развитии которого особенно был заинтересован их царь и военачальник. Можно сказать, что в данном случае это были наследники особого рода.¹⁹

Как известно, научный труд Дройзена политически и методологически тенденциозен. Будучи главным теоретиком малогерманских историков, разработавших в своих трудах политико-исторические концепции в угоду крупной немецкой буржуазии, Дройзен в своих работах по древней истории развивал национальную концепцию немецкой буржуазии об объединении Германии сверху, проецируя идеи пангерманизма в историю походов Александра Македонского.²⁰

В истории эллинизма Дройзен обратил основное внимание на проблему объединения разрозненных государств Эллады сильной рукой монарха, на проблему образования эллинистических государств и их взаимоотношения. В изложении всего этого большого и сложного материала историк неустанно воспроизводит идеи объединения Востока и Запада, все снова и снова возвращался к этой мысли, обыгрывал и заострял ее, искал все новые и новые доказательства для подтверждения благотворности влияния Запада на Восток во все времена.

Эллинизм воспринимался Дройзеном через призму современной истории. Не скрывая субъективистского смысла своей интерпретации и понимания сущности эллинизма, он заявил, что эллинизм есть «современное время древности».²¹ Зарождение этого феномена историк связывал не с предшествующим социально-экономическим и политическим развитием Эллады и стран Востока, а исключительно с деятельностью одного человека — Александра, с его субъективно-психологическим настроением, с его желанием нести западную культуру на Восток. Дройзен по словам современного историка ФРГ Г. Бенгтсона, был «убежденным сторонником культа личности».²² В этом отношении германское буржуазное антиковедение, вплоть до настоящего времени, не смогло стать независимым от философско-исторических концепций буржуазного исследователя Германии XIX в.²³ Для западной культуры «политические и духовные проблемы мирового государства Александра Великого и его преемников снова приобретают современное значение», — отмечает один из современных исследователей работы Дройзена — Е. Бауэр.²⁴

Второй том «Истории эллинизма» немецкого ученого непосредственно посвященный диадохам, изобилует фактами, известными нам по источникам и приведенными историком в своеобразную систему. Обилие фактов, красочное их изложение делают книгу Дройзена до сих пор интересной и полезной. Однако подбор и интерпретация этих фактов у него чрезвычайно тенденциозны. Это диктовалось временем, в котором жил историк, его общественно-политическими взглядами и конкретными задачами, поставленными им при разработке проблем эллинизма.

Единственно верной формой правления Дройзен считал монархию. Он благожелательно относился к конституции, введенную Антипатром после Ламийской войны в Афинах и других городах, говоря, что она, наконец, устранила «демократическую аномалию», существовавшую здесь раньше.²⁵ Тиранию Деметрия Фалерского Дройзен определял как наиболее благодатное время для Афин из всего периода диадохов, а олигархию, установленную оружием македонских полководцев в городах Греции, — формой правления, способной внести спокойствие и устойчивость в жизнь этих городов. Казнь Фокиона в Афинах Дройзен называет «отталкивающим актом восстановленной демократии», не видя в ней ничего, «кроме испорченного брожения беспорядочно собравшейся массы, которая неожиданно получает право разыгрывать роль самодержавного народа и начинает с того, что утоляет свою преступную страсть на лучшем человеке, которого имеют Афины».²⁶ Вождь рабовладельческой верхушки, стремившийся любыми путями сохранить дружбу с Македонией, кажется Дройзену наиболее достойным человеком в Афинах, а вождей демократии Демосфена, Леосфена, Гиперида — он считал близорукими политиками, не понимавшими всей бесполезности борьбы с Македонией. В книге Дройзена встречаются иногда и противно

речивые выводы. В основном это происходит тогда, когда источники противоречат его политическим взглядам²⁷.

В конце 80-х гг. XIX в. закат бисмарковского режима в Германии совпал с резким падением влияния малогерманской школы в историографии. Когда кризис этой школы стал очевидным, усилилось стремление немецких буржуазных историков к поискам новой интерпретации событий, связанных с проблемой эллинизма.

В конце XIX — начале XX в. в германском антиковедении появляется новая черта, выразившаяся в тенденции рассматривать эллинизм не только как производное духовного развития Греции, но и как результат духовного развития стран Востока. Уже Белох включил в понимание эллинизма момент влияния Востока на древнюю Элладу. И если в работе Дройзена эллинизм появляется в истории в общем-то неожиданно, спонтанно, то германская историография рубежа XIX — XX вв. начала ревизию и наступление на эту дройзеновскую трактовку. В противовес Дройзену, Белох стремился развенчать ореол вокруг Александра, приземлил его образ, весьма критически отнесся к нему как к политическому деятелю²⁸. Все симпатии Белоха на стороне Филиппа II, которого он сравнивал с Бисмарком²⁹. Белох стремился дать более широкую трактовку эллинизма, чем Дройзен, показать ответное действие на Грецию со стороны Востока, что, впрочем, хотел, но не успел сделать сам Дройзен. Однако это воздействие он понимал в плане духовного развития, с точки зрения потери свободы греками под влиянием Востока и восточной деспотии³⁰. Но в целом понимание Белохом эллинизма осталось традиционным, в духе немецкого буржуазного позитивизма XIX в., несмотря на все старания критического переосмысления прежних понятий, стремления найти новое видение эллинизма. Эллинизм в понимании и интерпретации Белоха — это духовно-культурное, военно-политическое понятие, и рассматривался он историком исключительно с точки зрения мирового господства греков и потери ими этого господства.

В конце XIX в. появляется обширное исследование Бенедикта Низе «История греческих и македонских государств со времени Херонейской битвы»³¹. Низе довел изложение истории Эллады и Македонии до 120 г. до н.э., тем самым расширив хронологические рамки эллинизма, в том числе эпохи диадоров, по сравнению с Дройзеном и Белохом. Главное внимание в своем труде Низе также обратил на военно-политическую историю, на уточнение и детальное изложение материала. Его работа по своему методу исследования преимущественно событийная, военно-политическая история, и этим она напоминала «Историю эллинизма» Дройзена. Вслед за Белохом Низе также отрицал гениальность, демоничность Александра³². Последний был спущен с того пьедестала, на который воздвигли его предшествующие историки.

Проблемное освещение материала по истории эллинизма дал Ю. Керст. В центре его исследования стояла проблема «духовных основ и руководящих идей эллинизма», чему он дал, по словам Бенгтсона — современного историка ФРГ, «превосходное изображение»³³. Керст видел сущность и «универсально-историческое значение эллинизма» в создании «новой всемирно-человеческой культуры»³⁴. Что касается истории диадоров, то она рассматривается здесь лишь попутно.

Для германской буржуазной историографии XX в. меньше всего характерны широкие обобщения по истории эпохи эллинизма, здесь рассматриваются лишь отдельные ее аспекты³⁵. Зато более подробно стала изучаться история диадоров или отдельные события этой истории³⁶. Особое внимание уделялось личности, прежде всего диадоров: Эвмена, Кратера, Птолемеем и Лисимаха, затем и других государственных деятелей³⁷.

Своими трудами об эллинизме и, в частности, об эпохе диадоров, немецкие ученые еще в конце XIX в. выдвинулись на первое место в мировом антиковедении. Их признанным лидером был Дройзен, который оказал значительное влияние на разработку этой проблематики и в других национальных историографиях. Особенно восприимчивой к концепции Дройзена оказалась греческая историография. И это понятно. Для греческой науки история диадоров есть часть греческой истории, поэтому ей импонировала и льстила национальному самолюбию та великая миссия культуртрегера для Востока, которую определял Греции Дройзен. Этим главным образом объясняется, почему греческая историография рассматривает время после смерти Александра с позиций Дройзена.

Греческий историк прошлого века Папаригопулос в своей «Истории греческой нации» освещает кратко деятельность преемников Александра и вслед за Дройзеном подчеркивает духовный фактор культуры, принесенной греками на Восток³⁸. Сове-

менный историк Г. Димитракос, специалист по истории Афин, опубликовал работу «Деметрий Полиоркет и Афины», в которой Деметрия характеризует как одну из важных исторических личностей древности. Автор явно идет здесь по пути преувеличения роли личности в истории. Он проводит параллель между Александром и Деметрием Полиоркетом, видя в последнем первого царя -- собирателя греческой нации, что не соответствует действительности³⁹.

В нашей отечественной историографии впервые откликнулся на работу Дройзена ученик Грановского И. К. Бабст, работавший в Казанском университете с 1851 по 1857 г. В целом он дает положительную оценку книге немецкого ученого, посвященной эпохе диадохов, но в то же время справедливо упрекает его за то, что он нередко некритически подходит к источникам, гоняясь за занимательностью рассказа. «Дройзен свел воедино все известия, касающиеся наследников Александра, и представил в своей истории эллинизма весьма полную, ясную и живую картину этого времени. Жаль только, -- пишет Бабст, -- что он для занимательности рассказа жертвует нередко своими источниками и произвольно влагает им свои собственные слова и мнения. Он вообще очень многословен, и это один из главных недостатков его книги, которая, впрочем, остается до сих пор лучшим и единственным трудом, обнимающим эпоху диадохов»⁴⁰.

В 1853 г. в «Отечественных записках» появилась работа самого Бабста, посвященная эпохе диадохов, -- «Дмитрий Полиоркет». Она была первой по этой тематике на русском языке. В ней автор стремился представить «эпизод из эпохи диадохов» на основе серьезного исследования источников. Выбор темы объяснялся автором тем, что «ни в одной личности не отразилась так ярко эпоха диадохов, как в Дмитрие. Всем существом своим принадлежал он к этому бурному беспокойному времени и долгое время был центром, около которого вращались все события»⁴¹.

В сравнительно небольшой статье, написанной в историко-беллетристическом духе, дается лишь самая общая характеристика диадохов, обрисовываются «неукротимые, честолюбивые характеры» наиболее видных их представителей. Излагая вкратце события от смерти Александра до битвы при Ипсе, И. К. Бабст приходит к выводу об исторической неизбежности распада монархии Александра, однако действительные причины этого процесса автор постичь не мог⁴². Изображая эпоху диадохов с ее непрерывными войнами и разрушениями как годину испытаний для народов Греции и Востока, он, в сущности, не показал процесса созидания в это время, развития экономики и культуры, ликвидации прежней замкнутости и изолированности.

После Бабста в отечественной историографии не появилось ни одного более или менее значительного труда по истории диадохов. По-прежнему скудность источников и сложные исторические перипетии этой эпохи отталкивали историков от ее изучения. С. В. Ешевский даже назвал эпоху диадохов позорной, способной отвратить историка от изучения этого времени⁴³. Вероятно, по этой причине и не было создано никаких капитальных работ по данной проблематике. Можно указать лишь на несколько небольших статей самого общего характера, принадлежащих С. А. Жебелеву и К. В. Хилинскому⁴⁴. Правда, ряд историков в своих общих работах по античности или в конкретных исследованиях отдельных проблем Греции касались, хотя и кратко, также эпохи диадохов. Среди таких работ следует отметить обширное предисловие Ф. Г. Мищенко к «Всеобщей истории» Полибия -- «Федеративная Эллада и Полибий»; монографию В. Г. Васильевского «Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка» (1869 г.); некоторые работы М. М. Хвостова о социально-экономической истории эллинистического периода и др.⁴⁵.

Так же мало по интересующей нас проблематике сделано в англо-американской историографии. И это тем более странно, что именно в ней появились капитальные исследования Тарна и Ростовцева по истории восточных походов Александра и эллинизма вообще. Первый в своей работе «Эллинистическая цивилизация» рассматривает эпоху в целом. В отличие от Дройзена, Тарн отмечал, что понять эллинистическое общество можно лишь тогда, когда за основу возьмешь его рабовладение, когда будешь помнить, что это был «мир, лишенный машин и полный рабов»⁴⁶. Но это не мешало самому Тарну находить в эпоху эллинизма и капитал, и стачки, и «национальные» государства. Тарн специально не анализирует эпоху диадохов, лишь попутно и в самых общих чертах касаясь этого вопроса.

Ростовцев в своем капитальном труде «Социально-экономическая история эллинистического мира» стремился, в отличие от Дройзена, рассмотреть эллинизм как

единство политическое и экономическое, а не только культурное. Модернизируя эпоху эллинизма, Ростовцев отмечает в ней все категории капиталистических отношений. Он оправдывает войны диадохов, полагая, что они способствовали процветанию Греции и Востока. Воины-наемники, находясь в походах, имели при себе семьи и тем самым представляли собой как бы очаг цивилизации и культуры. Из этого Ростовцев делает вывод, что войны были до некоторой степени фактором экономической жизни⁴⁷. Исходя из этого, он полагал, что эпоха диадохов была временем наивысшего расцвета Греции.

В «Кембриджской истории», в главах, написанных Гарном и Фергюсоном, дается событийное изложение истории диадохов, как и в других общих работах по греческой истории у английских антиковедов⁴⁸. Здесь следует отметить работы: В. Фергюсона по истории эллинистических Афин, М. Кэри и Эд. Вилля по политической истории эллинистического мира⁴⁹. Остальные статьи, разбросанные по разным журналам, касаются лишь отдельных узких вопросов изучаемой эпохи.

В последнее время особенно отчетливо в буржуазной историографии вообще и в англо-американской, в частности, проводится идея, что основной причиной распада государства Александра являются войны диадохов. Так, американский историк Т. Р. С. Броутон в своем докладе на XIII международном конгрессе исторических наук подчеркнул, что соперничество между преемниками Александра Македонского, несмотря на их выдающиеся достижения, послужило причиной раздела империи Александра и расточения массы материальных ресурсов и людской энергии, которые можно было бы использовать для закрепления успехов царя⁵⁰.

В итальянской историографии диадохам посвящены три исследования, которые в совокупности дают представление о всей изучаемой эпохе. В 1951 г. профессором университета в Палермо Эудженио Манни была издана монография о Деметрии Полиоркете⁵¹. В конце 50-х гг. сотрудница профессора Мария Фонтана издала книгу «Борьба за наследство Александра Великого с 323 по 315 г. до н.э.»⁵². Наконец, в середине 60-х гг. ректор Туринского государственного педагогического института Марчелло Фортина издал работу о Кассандре⁵³. Хронологически эти работы охватывают почти весь период диадохов. По своему содержанию они воспроизводят военно-политическую историю этого периода, выявляют границы той области, какой тот или иной диадох завладевал в ходе многочисленных войн, разделов сатрапий и распределения государственных должностей⁵⁴.

Оценка итальянскими историками преемников Александра содержит сильный налет идеализации. В их интерпретации такие диадохи, как Пердикка, Эвмен и Полисперхонт, являются благородными защитниками династических интересов Аргеадов; Кассандр и Птолемей - ревностными собирателями новых эллинистических государств; Антигон Одноглазый и Деметрий Полиоркет — романтическими наследниками идеи мирового господства. Даже откровенно человеконенавистнические акты диадохов, их бесконечные войны объясняются «печальной необходимостью»⁵⁵.

Более плодотворной является разработка данной проблематики во французской историографии. Можно со всей определенностью сказать, что если по проблемам эпохи диадохов в XIX в. лидирует немецкая историография, то в XX в. ведущие позиции переходят к историографии французской. Еще в начале века Буше-Леклерк издал 4-томную монографию по истории Лагидов, а несколько позднее опубликовал работу по истории Селевкидов⁵⁶. В 20-е гг. Пьер Жуге выпустил монографию «Македонский империализм и эллинизация Востока», в которой должное внимание уделяет диадохам⁵⁷. П. Жуге указывает, что уже на первом Совете рещалась участь здания, которое могло оказаться хрупким под напором покоренных народов, ясно обнаружилось несколько тенденций. Одни, побуждаемые чувством долга по отношению к царской фамилии или стремлением принять участие в органах центральной власти, склонялись к необходимости ее упрочения. Другие, больше думая о своей независимости, предпочитали всячески ограничить prerogatives центральной власти⁵⁸. Все изложение автора идет через характеристику военной деятельности отдельных диадохов.

В 1959 г. П. Клоше выпускает специальную монографию о диадохах и называет ее «Распад империи». В ней историк Безансонского университета довольно подробно останавливается на военно-политической стороне этого вопроса. Он заявляет, что целью его исследования является изложение и, если возможно, объяснение факторов политического, дипломатического и военного порядка⁵⁹.

Видя только внешнюю сторону эпохи диadoхов, а именно непрерывные войны, французский историк резко отрицательно оценивает ее. Он пишет, что знаменитый «македонский мир», который должен был положить конец надоевшим кровавым конфликтам греко-азиатского мира классических времен, в действительности же никогда не воцарялся⁶⁰. Стоя на такой точке зрения, нельзя объяснить роль этой эпохи в подготовке почвы для образования и консолидации эллинистических государств.

После смерти французского патриарха античников П. Клоше работа над изучением этой переходной эпохи не прекращалась. Здесь особо должны быть отмечены исследования Пьера Бриана, стремившегося главным образом на материале истории деятельности Эвмена выявить политические и социальные программы наследников Александра, решить проблему преемственности в области управления в первые годы борьбы диadoхов⁶¹. Не меньшую ценность приобретает его монография, посвященная Антигону, в которой довольно подробно излагается весь сложный и противоречивый путь одного из самых могущественных представителей той плеяды, которая активно помогала приобретению богатого македонского наследства⁶². Вопросы истории диadoхов рассматриваются также в двухтомной капитальной монографии Клере Прео, посвященной всему периоду истории эллинистического мира⁶³.

Наконец, следует несколько слов сказать о нидерландской историографии. Особенно начиная с 70-х гг. в голландской исторической науке стали появляться труды по истории диadoхов главным образом военного характера. В них анализируется состояние военно-морского флота наследников Александра, участие этого флота в морских сражениях⁶⁴. Эти исследования, хотя и касаются частных вопросов, имеют известное значение, если учесть, что борьба диadoхов за власть на море и отношение каждого из них к морским делам показывают общую тенденцию их общей политики и неразделимо связаны с этой общей политикой.

Итак, почти за полторавековой период изучения эпохи диadoхов в национальных историографиях буржуазными учеными были созданы исследования, различные по охвату материала, по содержанию и глубине. Со многими мнениями этих историков автор не смог согласиться, тем не менее к трудам своих предшественников у него нет нигилистического отношения. Несмотря на принципиальное теоретико-методологическое противостояние, всегда следует сохранять чувства уважения, непредвзятости и такта к тем, кто шел впереди, подчеркивая, что именно ими уже сделано и какие вопросы остались для решения будущим исследователям. Буржуазная наука проделала большую работу по изучению и собиранию источников, по созданию военно-политической истории эпохи. Вместе с тем, за рамками изучения и глубокого анализа в буржуазной историографии остались важнейшие, можно сказать, кардинальные проблемы эпохи диadoхов.

За пределами научных интересов буржуазных ученых, прежде всего, находится проблема периодизации эпохи диadoхов, правильное решение которой позволяет определить, как в ходе вооруженной борьбы шел процесс консолидации новых государств, с какого времени можно утверждать об их суверенитете. У Дройзена, по существу, вообще отсутствует периодизация. Исторические факты излагаются по годам без каких-либо объяснений, почему именно избрана такая хронология событий. Нет внутренней периодизации времени диadoхов и в греческой историографии. У греческих авторов события приводятся только в их исторической последовательности, без всяких попыток качественного рассмотрения данного отрезка исторического процесса. Даже в труде прогрессивного греческого историка Г. Кардатоса «История эллинизма» мы находим следующее членение материала: распад державы Александра (стр. 35-41); Ламийская война (стр. 42-50); столкновение Антигона и Эвмена (стр. 60-64); коалиция против Антигона (стр. 65-70); мир (стр. 71-77); освобождение Афин (стр. 78-84); осада Родоса и возвращение Деметрия в Афины (стр. 85-88) и т.д. Аналогичное деление приводится и в его трехтомной «Истории древней Греции»⁶⁵.

Итальянские историки в основу периодизации кладут события, связанные с победами, поражениями, возвышением либо гибелью того или иного диadoха. Так, М. Фонтана разбивает период с 323 по 315 г. до н.э. на пять фаз. Содержание истории каждой фазы определяется соответственно деятельности Пердикки, Антипатра, Полиперхита, Кассандра, Эвмена⁶⁶. При этом выделяются и опорные даты. Первой опорной датой М. Фонтана считает год смерти Антипатра, т.е. 319 г. до н.э., «когда была подведена черта под наиболее пылким периодом борьбы за достижение первенства»⁶⁷. Второй такой датой был, по ее мнению, 316 г. до н.э., когда по прика-

зу Кассандра была убита Олимпиада. Со смертью Олимпиады можно считать законченным первый этап борьбы между диадохами⁶⁸.

В какой степени пригодна периодизация, предложенная М. Фонтана? Действительно ли итальянскому историку удалось показать своеобразие каждого очерченного этапа? М. Фонтана правильно определяет границы первого этапа борьбы диадохов: 323—316 гг. до н.э. Этот этап характеризуется стремлением сохранить завоевания Александра для его потомков. Последний защитник Аргеадов - Эвмен гибнет в 316 г. до н.э., а Антигон мечтает о личной царской власти⁶⁹. М. Фонтана, выдвигая на первый план историю династий, считает, что после 316 г. до н.э. пришел конец империи, поскольку никто не защищал ее для потомков Александра⁷⁰.

Таким образом, если следовать М. Фонтана, то империи Александра нанесены два непоправимых удара: Антипатром, якобы заставившим прямых преемников Александра отказаться от азиатских территорий, и Кассандром, пленившим, а затем уничтожившим последних Аргеадов. Поэтому она доводит изложение истории борьбы за наследство Александра только до 316—315 гг. до н.э. На самом же деле тенденция сохранить государство Александра, хотя и без Аргеадов, господствовала до 301 г. до н.э., т.е. до битвы при Иссе, когда погиб Антигон, один из тех, кто отстаивал единство государства. Через призму личностей диадохов рассматривают М. Фонтана и Э. Манни и все события последующего периода в своих монографиях о деятельности Кассандра и Деметрия Полиоркета.

Собственно, таких принципов периодизации придерживается и П. Клоше. В основу периодизации он положил военно-персональный принцип, т.е. периодизация построена так, что каждый период кончается либо генеральным сражением, либо гибелью одного-двух диадохов, либо и тем и другим вместе. Периодизация Клоше не содержит ничего нового. Она в сущности повторяет неопределенную дройзеновскую периодизацию. Субъективный момент выдвигается здесь на первый план: гибель какого-нибудь диадоха уже знаменует собой поворот в истории этого периода.

Такого рода периодизация протестует от нечеткости представлений о причинах распада государства Александра и сути этого процесса. Выяснение этого вопроса, особенно его социально-экономического аспекта, находится вне сферы интересов буржуазной науки. Даже такой крупный специалист по эллинизму, как М. И. Ростовцев, который в вышеупомянутой работе пытался рассмотреть социально-экономический аспект этой эпохи, видел причины распада империи Александра в том, что после смерти знаменитого полководца на политической арене этого периода не было личности, способной, подобно Александру, силой своей власти сохранить единство империи, удержать под своей эгидой завоеванные Александром страны и народы, предотвратить выступления оппозиции внутри своих рядов. Итальянский историк М. Фонтана, ставя вопрос о причинах распада державы Александра, пишет, что новая политика царя, т.е. политика «слияния» с восточными народами, привела к тому, что его воспачальники не захотели сохранять в целом его империю⁷¹. По мнению М. Фонтана, развернувшиеся события следует рассматривать в двойном аспекте: 1) отношения диадохов «к восточному вопросу»; 2) безмерного честолюбия каждого претендента на наследие Александра⁷². Приверженцев продолжения политики завоеваний Фонтана характеризует как «филоориенталистов», а сторонников сохранения империи Александра в пределах, достигнутых знаменитым вонтелем, — как «консерваторов»⁷³.

М. Фонтана полагает, что конец державе Александра пришел из-за перемещения Антипатром царского дворца Роксаны и Александра IV в Европу. Этим Антипатр принудил династию Аргеадов отказаться от азиатских территорий, завоеванных великим полководцем⁷⁴. Короче говоря, конец империи положил не кто иной, как Антипатр.

Вряд ли правильно приписывать Антипатру столь роковую роль в судьбе державы Александра. В действительности, непрочность данного государственного объединения, созданного силой оружия, заключалась прежде всего и главным образом в отсутствии подлинного социально-экономического и политического единства. Кроме того, распад империи Александра затонул на долгое время и никоим образом не представлял собой единичный акт. Идея единства империи не была еще оставлена и после перемещения царского двора в Европу.

В субъективных обстоятельствах старается отыскать причины распада империи и П. Клоше. Он ищет их в характере, способностях, честолюбии полководцев Алек-

сандра. Так, он неоднократно подчеркивает, что честолюбие, вождество, личная неприязнь друг к другу, злая воля, алчность, злопамятство породили жестокие конфликты между диадохами⁷⁵. Положение усугублялось еще тем, что преемники Александра в неравной степени обладали авторитетом в армии, имели разные способности и различный характер, не все были одинаково честолюбивы, отсюда неповиновение одних другим, зависть, соперничество⁷⁶. Империя распалась, по мнению французского историка, еще и потому, что был жив «македонский дух господства, алчности и разбоя»⁷⁷. П. Клоше ни слова не говорит о внутренних, объективных причинах распада империи, об отсутствии социально-экономического единства огромной державы, представлявшей из себя еще в большей степени конгломерат племен и народностей, чем Персидская деспотия.

Многие буржуазные историки пытаются доказать, что если бы Александр не умер на 33-м году своей жизни и прожил хотя бы еще 10-15 лет, его обширное государство стало бы крепким и надолго пережило бы своего создателя. Только ранняя его смерть, по их мнению, дала другой оборот событиям. Исторический процесс здесь ставится полностью в зависимость от личности, от военно-политических успехов. Не видя глубинных процессов, происходивших в социально-экономической жизни Греции и восточных стран, буржуазные ученые приписывают за главное внешнюю сторону исторических событий, так как за ними не замечают действия общих законов общественного развития.

Эпоха диахов во всей буржуазной науке рассматривается как время нескончаемых войн между наследниками Александра Македонского, и только в этих войнах буржуазные историки видят основную причину распада империи. Кроме фактической несостоятельности, такая концепция неверна и с методологической точки зрения. Военные действия диахов велись на сравнительно ограниченной территории, часто не на магистральных путях, и хотя эти действия имели ряд пагубных последствий, тем не менее не они, а вернее не столько они, являлись причиной распада огромной империи. Причины этого важного исторического явления нельзя понять без правильного учета его объективных и субъективных факторов, без ясного представления конгломератного характера империи Александра.

Таким образом, в буржуазной историографии не определена социально-экономическая сущность эпохи диахов, представлена самая произвольная ее внутренняя периодизация, не поставлена и тем более не разработана проблема возникновения и распада конгломератного государства, не выяснена роль коалиционных войн диахов в процессе распада государства Александра Македонского.

Эпоха диахов — проблема комплексная. Это — теоретико-методологическая, философско-историческая проблема распада конгломератного государства, это — выход за пределы истории одной страны, это — синхронный анализ процесса развития экономических, социальных, политических противоречий целой переходной эпохи греко-восточного мира: от социально-экономической и политической структуры империи Александра к соответствующей структуре эллинистических государств.

Любой переходный период предполагает вырождение старых черт, выживание новых, временный синтез того и другого. В течение переходного периода накапливаются изменения, появляются противоречия будущего этапа развития. В такое время обычно социально-экономическая структура уже теряет какие-то признаки прежнего этапа, но еще полностью не приобретает качества нового. Такое переходное состояние, когда старое общество еще не сошло с исторической сцены, а новое — находится в процессе своего становления и развития, является благодатной почвой для самых различных проектов будущего, для новых поисков лучшей организации жизни и производительной деятельности. Поэтому выделение особого переходного периода требует выяснения основного его содержания, характеризующегося борьбой старого с новым, победой нового. Само промежуточное положение периода диахов: между завоеваниями Александра и расцветом эллинистических монархий — создает важную проблему преемственности⁷⁸.

Все эти аспекты большой исторической проблемы ждут своего марксистского истолкования.

В советской науке до сих пор эта проблема не приковывала к себе того внимания, которого она заслуживает. Нет еще ни одной монографии, которая была бы специально посвящена эпохе диахов, сложному и противоречивому процессу распада монархии Александра. Можно указать лишь на единственную работу А. Б. Рановича «Эллинизм и его историческая роль», изданную в 1950 г., в которой только

одна, третья глава рассматривает войны диадохов и возникновение эллинистических государств. Автор, правда, в ограниченных рамках главы стремился показать не только разрушительные войны диадохов, но и непрерывный творческий, созидательный процесс, происходивший в период преемников Александра Македонского, — процесс развития экономики рабовладельческого общества, «ликвидации прежней замкнутости и изолированности, создание иной по типу духовной культуры»⁷⁹.

Настоящее наше сочинение есть попытка отчасти заполнить имеющуюся лакуну. Вместе с тем оно представляет собой логическое и хронологическое продолжение нашей предыдущей монографии «Восточная политика Александра Македонского» (1976), явившейся, в свою очередь, продолжением двух книг автора по истории античной Македонии, изданных в начале 60-х гг.

В соответствии с замыслом мы намерены в данной работе четко обозначить два русла: одно — основное, которое должно показать наследство и наследников Александра в условиях изменившейся экономики и сложных социальных коллизий, другое — раскрыть роль и место войн диадохов в историческом развитии того времени. В результате оба русла должны объединиться в общий поток, снять все преграды для того, чтобы яснее показать, как в сравнительно короткий исторический период, немного менее полувека (323—280 гг. до н.э.), в сложной международной обстановке распалась держава Александра и завершился процесс сложения эллинистических государств. Насколько нам удалось осуществить это намерение — судить не нам. Об этом скажет взыскательный читатель, на суд которого автор отдает результаты своих многолетних поисков, наблюдений и выводов.